

УДК 821.161.1

«СОРОК ДЕВЯТЬ ДНЕЙ» В.С. ВЫСОЦКОГО И ПУБЛИЦИСТИКА 1960-ГО Г. («ЧЕТВЕРКА ОТВАЖНЫХ» В ОТКРЫТОМ ОКЕАНЕ)

© 2010 И.Н. Савчук

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 11 декабря 2009 года

Аннотация: В статье анализируются несколько вариантов отражения реального факта: выноса в открытое море самоходной баржи. Эта история была освещена в многочисленных газетных и журнальных публикациях 1960-го года. Указанный факт также лег в основу стихотворения (и песни) В. Высоцкого «Сорок девять дней». Поэт создал произведение, которое является пародией на репортажи, хронику, интервью, статьи, посвященные означенному событию.

Ключевые слова: реальные факты, жанры журналистики, сатирический комментарий, идеологическая пропаганда, ирония, пародия.

Abstract: The article analyses several variants of covering of a real story when a self-propelled barge was carried out to the open sea. This story was reported by numerous newspaper and journal publications of 1960. Besides above-mentioned fact underlay V. Vysotsky's poem (and song) «Forty Nine Days». The writing created by the poet is a parody on the chronicle, reportages, interviews and articles on the fact.

Key words: real stories, journalism genres, satirical commentary, ideological propaganda, irony, parody.

«Пособие для начинающих и законченных халтурщиков <...>. Таким же образом могут быть написаны поэмы о покорителях Арктики, об экспедиции в Антарктиде, о жилищном строительстве и о борьбе против колониализма. Надо только знать фамилии и иногда читать газеты».

В. Высоцкий [3, 12].

Сейчас со словом «четверка» у большинства людей возникают соответствующие ассоциации – «The Beatles», «АВВА» или что-либо в этом духе. Но в 1960 г. в СССР прославились четыре молодых солдата, весть о которых разнеслась по всему земному шару. Это были Асхат Рахимзянович Зиганшин, Филипп Григорьевич Поплавский, Анатолий Федорович Крючковский и Иван Ефи-

мович Федотов. Именно этим людям посвящена песня Высоцкого «Сорок девять дней», которая была написана в том же 1960 г.

После прочтения (или прослушивания) этого произведения возникает двойственное отношение к ситуации, сложившейся вокруг молодых «бойцов». С одной стороны, описаны сила и стойкость духа людей, не сломившихся в борьбе с морской стихией, которая не склонна «щадить» и «отпускать».

С другой стороны, в тексте чувствуется явное ироническое переосмысление ситуации, которая обнаруживает свои иные смыслы. Автор показывает свое несогласие с «героическим» пафосом газетных и журнальных публикаций, и может быть, именно Высоцкий ставит все на свои места, то есть прочитывает между строками публицистических изданий истинный смысл случившегося.

© Савчук И.Н., 2010

В связи с этим нельзя не учесть мнение австрийского исследователя творчества Высоцкого Х. Пфандля, который отмечал, что главная идея «Сорока девяти дней» состоит в изображении авторского выбора между восхищением людьми, попавшими в сложную ситуацию, и сатирическим осмыслением этой ситуации [14, 231]. Рассмотрим, как сочетается героическое и сатирическое в следующем тексте:

Суров же ты, климат охотский, —
Уже третий день ураган.
Встает у руля сам Крючковский,
На отдых — Федотов Иван.

Стихия реветь продолжала —
И Тихий шумел океан.
Зиганшин стоял у штурвала
И глаз ни на миг не смыкал.

Суровой, ужасней лишения,
Ни лодки не видно, ни зги, —
И принято было решение —
И начали есть сапоги.

Последнюю съели картошку,
Взглянули друг другу в глаза...
Когда ел Поплавский гармошку,
Крутая скатилась слеза.

Доедена банка консервов,
И суп из картошки одной, —
Все меньше здоровья и нервов,
Все больше желанье домой.

Сердца продолжали работу,
Но реже становится стук.
Спокойный, но слабый Федотов
Глодал предпоследний каблук.

Лежали все четверо в лежку,
Ни лодки, ни крошки вокруг.
Зиганшин скрутил козью ножку
Слабевшими пальцами рук.

На службе он воин заправский,
И штурман заправский он тут.
Зиганшин, Крючковский, Поплавский —
Под палубой песни поют.

Зиганшин крепился, держался,
Бодрил, сам был бледный как тень,
И то, что сказать собирался,
Сказал лишь на следующий день.

«Друзья!..» Через час: «Дорогие!..»
«Ребята! — еще через час. —
Ведь нас не сломила стихия,
Так голод ли сломит ли нас!

Забудем про пищу — чего там! —
А вспомним про наш взвод солдат...»
«Узнать бы, — стал бредить Федотов, —
А что у нас в части едят?»

И вдруг: не мираж ли, не миф ли —
Какое-то судно идет!
К биноклю все сразу приникли,
А с судна летел вертолет.

...Окончены все переплеты —
Вновь служат, — что, взял океан?! —
Крючковский, Поплавский, Федотов,
А с ними Зиганшин Асхан! [2, 15-16].

Существует два варианта этого произведения: песенный (он приведен) и так называемая «поэма-песня» (стихотворение, являющееся расширенным вариантом текста с авторскими комментариями).

Отметим, что это первая песня Высоцкого, что заставляет исследователей быть крайне внимательными, так как «самое важное для биографа великого писателя, великого поэта — это уловить, осмыслить, подвергнуть анализу всю его личность именно в тот момент, когда более или менее удачное стечение обстоятельств — талант, воспитание, окружающие условия — исторгает из него первый его шедевр. Если вы сумели понять поэта в этот критический момент его жизни <...>, тогда вы можете сказать, что знаете этого поэта, что постигли самую суть его <...>, и тогда вы достойны стать равноправным и неутомимым спутником на всем его дальнейшем жизненном пути...», — отмечал замечательный литератор XIX в. Ш. Сент-Бев [9, 49].

Теперь уточним реальные факты, которые отражены в данной песне. Действительно, Асхат Зиганшин, Филипп Поплавский, Анатолий Крючковский и Иван Федотов 17 января 1960 г. на одном из южных островов Курильской гряды (о. Итуруп), на барже, использовавшейся при погрузке и разгрузке судов, оказались вынесенными в открытое море. Из съестных припасов на судне были «две банки свиной тушенки, полуторакилограммовая банка жира, кучка картошки, немного крупы» [1, 29]. Четверых воинов сняли с баржи американские моряки 7 марта, на 49-й день плавания. После краткого пребывания в Сан-Франциско четверку переправили на родину. Все это мы можем узнать из газет того времени, которые подробнейшим образом отражали ход событий.

Высоцкий, безусловно, пародирует стиль многочисленных публикаций, где детально отражена вся эта история. Чтобы понять авторскую позицию, необходимо учесть учение Ю.Н. Тынянова (о «пародийности» и «пародичности»),

который писал следующее: «Пародийные произведения обыкновенно бывают направлены на явление современной литературы или на современное отношение к старым явлениям; пародийность по отношению к явлениям полузабытым мало возможна» [13, 294]. О *пародическом использовании* можно говорить в том случае, если пародируемый текст был создан много лет назад, и объектом сатирического отношения является не столько известный текст, сколько уродливые проявления современности.

Теория Ю.Н. Тынянова и сама пародийная форма «Сорока девяти дней» не могут не отослать нас к жанрам журналистики, где пародия является важным и действенным способом раскрытия истинного смысла описываемой ситуации. Задача этого жанра — «создать некую модель явления, ставшего предметом внимания пародиста, имитировать его (явление) в своем произведении под определенным углом зрения. Именно эта имитация может вызвать (или не вызвать) смех у читателя» [12, 280]. Переосмысляя газетно-журнальный стиль, идеологически окрашенные штампы, Высоцкий выражает свое отношение к той пропагандистской лжи, которая была органичной и неотъемлемой частью советского образа жизни.

Кроме пародийной составляющей, в данном произведении можно видеть признаки такого жанра журналистики, как *сатирический комментарий*, который чаще всего появляется «по следам актуальных и наиболее нелепых или вредных действий различных политических деятелей, властей, учреждений и пр., действий, способных вызвать определенный общественный резонанс» [12, 281]. «Предметом внимания автора сатирического комментария могут стать явления любого рода — не только предметные действия, поступки, но и «информационные явления», например высказывания каких-то людей <...>. Комментарии эти строятся практически всегда по одной и той же схеме — сначала излагается заинтересовавшее журналиста высказывание какого-то «героя», а затем следует высказывание самого журналиста (собственно комментарий)» [12, 282], — пишет исследователь А.А. Тertyчный.

Рассмотрим, как соотносятся собственно текст стихотворения и авторский сатирический комментарий к нему. Например:

Последнюю съели картошку,
Взглянули друг другу в глаза...
Когда ел Поплавский гармошку,
Крутая скатилась слеза.

...Голод становится невыносимым.
Культмассовая работа не ведется по причине
отсутствия муз. инструментов. Люди ослабли,
но смотрят прямо и друг друга не едят [3, 9].

Как видно, Высоцкий иронизирует над сложившейся ситуацией¹ (одновременно героической и абсурдной), что и отражает его же *сатирический комментарий*, который «нацелен на высмеивание определенных человеческих недостатков, пороков, промахов самого разного плана» [12, 285].

Как известно, в своих песнях Высоцкий-автор часто надевал «маски» людей (своих героев) различных профессий, политических взглядов и религиозных убеждений, поэтому уже в первом своем произведении поэт, вероятно, пытается *сыграть роль* журналиста-«халтурщика». Он пишет сатирическое стихотворение, с одной стороны, ориентированное на газетные и журнальные публикации, а с другой стороны, на слухи, которые подкреплялись здравым смыслом. Возможно (возвращаясь к сказанному нами о сатирическом комментарии), Высоцкий услышал от кого-нибудь предположение о том, что случилось на самом деле (об этом ниже) и решил создать по этому поводу свою «заметку» в свойственной ему манере. В конце же стихотворения он пишет о том, что такие репортажи может «сфабриковать» любой, кто периодически читает газеты и немного «дружит» с рифмами. Тем самым он выражает свое (и не только свое) отношение к советской журналистике той поры, которая «представляет свое время, свое поколение» [11, 74] известным образом.

Попытаемся отделить миф от реальности и постараемся как можно ближе придвинуться к правде жизни, понять, что же хотел сказать и сказал нам Высоцкий.

Уже отмечалось, что существует два варианта этого произведения, и некоторые авторские дополнения, которые присутствуют в стихотворении, настраивают на «негероическое» восприятие текста. Например: «Дальше следуют много дней умеренного, затем скудного и наконец совсем скудного питания. Но люди бодры, добры и друг на друга не обижаются...»; «все отступления в прозе можно рифмовать по принципам: океан — Асхан — Иван; картошку — гармошку — крошку — ножку...» и др. Главное в этих ремарках — авторская ирония («под маской серьезности» — «отрицательное отношение к предмету» [10, 505]), которая заставляет усомниться в том, что сообщает (навязывает) пресса.

Существует интервью (2001 г.) с Асхатом Зиганшиным (у Высоцкого в тексте читаем «Асхан»), который говорит: «Да мы жили на этой барже! Хотя до сих пор не понимаю почему. Мы ведь в стройбате служили. Но там было так: моряки почему-то в казармах на берегу жили и в тельняшках на лошадях скакали, а мы на барже. Когда судно подходило, мы его через эту баржу

разгружали. И отрывало нас от берега постоянно» [15]. Суть (абсурдная) данной ситуации состоит в том, что военные не были обеспечены достойным жильем и были вынуждены ютиться на барже. Отсюда следуют вывод: военных выдворили из части, и место службы стало для них домом.

В произведении Высоцкого, конечно, описан подвиг людей, в течение сорока девяти дней борющихся со стихией. Однако, как уже отмечалось, автор часто прибегает к иронии.

Известно, что Высоцкий исполнял свою песню на мотив произведения С. Кристи, В. Шрейберга и А. Охрименко:

Я был батальонный разведчик,
А он — писаришка штабной,
Я был за Россию ответчик,
А он спал с моею женой...

Как видно, несоответствие героического содержания («Сорока девяти дней») и мотива шуточной песни изначально настраивало слушателей на соответствующее восприятие того, что исполнял Высоцкий.

Текст произведения Высоцкого демонстрирует также комическую несочетаемость своих фрагментов: «И принято было решение — / И начали есть сапоги»; «Глодал предпоследний каблук»; «Ни лодки, ни крошки вокруг».

Об А. Зиганшине сказано: «И штурман заправский он тут». У слушателя (читателя) мог возникнуть закономерный вопрос: зачем на уже неуправляемой барже нужен штурман, человек, который ведет судно и прокладывает маршрут²?

Иногда ирония (как риторический прием) создает драматическую (комическую) мини-сцену: «К биноклю все сразу прикикли». Совершенно очевидно, что «четверо отважных» не могли одновременно прикинуть к одному биноклю.

В расширенном тексте (с авторскими отступлениями и комментариями) ирония возникает и за счет прозаических отступлений самого Высоцкого. Например: «*Есть нечего, пить нечего, курить нечего, но люди снова бодры. У них второе дыхание, потом третье, потом четвертое... Мысли о еде приходят все чаще, мысли не о еде — все реже. Но все время — мысль о доме, о родном подразделении, о хлебе*» [3, 10]. Здесь налицо комическое несоответствие тона и содержания, самих смысловых частей фрагмента: казалось бы, человеческий дух переборол тяготы голода, все мысли устремились к духовному, но все же... верх берет физическое начало — голод.

Отдельно следует упомянуть об обуви, которая пошла в пищу «отважной четверке». Как признаются сами военные, информацию о том, что можно есть сапоги и ремни, они почерпнули из устных рассказов и литературных произведений о путешественниках. В данном случае была

поддержана старая традиция, которая нашла отражение в романах и кинофильмах. Примером тому могут послужить фильм Чарли Чаплина «Золотая лихорадка» (где актер ест свой башмак, предварительно его сварив), роман Майн Рида «Морской волчонок»³.

Следует сказать о том, что на борту баржи оказались газеты и книги (это еще раз подтверждает то, что на ней жили и обустроивали свой быт солдаты). Во время «путешествия» они коротали дни, читая роман Дж. Лондона «Мартин Иден» («Спорили о том, почему Мартину Идену не удалось найти другого выхода, кроме самоубийства» [1, 32], — писал в своих воспоминаниях А. Зиганшин), в котором значительное место занимает морская тема. Возможно, материал книги обусловил дальнейшее поведение солдат.

При этом совершенно очевидно, что за комической формой «Сорока девяти дней» и ироническим переосмыслением драматической ситуации кроются не только настоящий подвиг, но и обличение современных Высоцкому государственных проблем, которые и обусловили (к сожалению) этот подвиг.

Очевидно, что Высоцкий в качестве материала использовал в основном газетные и журнальные публикации, которые освещали все происходящее с отважными военными. Вследствие этого в текстах стихотворения и песни мы можем найти характерные штампы, в которых отразилась публицистическая стилистика:

Зиганшин крепился, держался,
Бодрил, сам был бледный как тень,
И то, что сказать собирался,
Сказал лишь на следующий день.

«Друзья!..» Через час: «Дорогие!..»
«Ребята! — еще через час. —
Ведь нас не сломила стихия,
Так голод ли сломит ли нас!

В газете «Комсомольская правда» от 3 апреля 1960 г. можно найти следующее: «И тогда вот что сказал младший сержант. Это была самая длинная его речь за все время дрейфа: — Стену кубрика не мазать⁴! Запрещаю даже думать об этом. За последние несколько дней мы увидели три парохода. Что это значит? Значит, мы попали на какую-то морскую дорогу. Нас не снесет с нее. Я заметил, что днем нас тащит на юго-восток, а ночью обратно — на северо-запад. Мы болтаемся на одном месте. Увидели три корабля, увидим и четвертый. Не заметит нас четвертый, заметит пятый. У нас еще три пары сапог. Хватит на весь март, а в марте нас обязательно найдут» [7].

Кроме газетного материала, Высоцкий, возможно, использовал книгу самого А. Зиганшина,

которая вышла в Куйбышевском книжном издательстве в том же 1960 г.

В стихотворении читаем:

Страшнее, ужасней лишения,
Ни лодки не видно, ни зги, —
И принято было решение —
И начали есть сапоги.

В книге А. Зиганшина можно найти «комментарий» к тексту Высоцкого: «В связи с этим на очередном совещании нашего маленького коллектива *было принято решение...*» [1, 30] (курсив мой — И.С.).

Рассмотрим другой фрагмент:
Зиганшин скрутил козью ножку
Слабевшими пальцами рук.

У А. Зиганшина читаем примерно то же самое: «Свернули на четверых одну большую *«козью ножку»...*» [1, 31] (курсив мой — И.С.).

К фразе Высоцкого «Асхана сменил у штурвала / Спокойный Федотов Иван» можно найти пояснение в воспоминаниях Зиганшина: «Здесь больше действовали мы с Федотовым: он ведь жил в рыбацком поселке на Амуре, выходил с рыбаками на промысел...» [1, 26]. Как видно, отмеченное поэтом «спокойствие» Федотова объясняется некоторой опытностью последнего.

Интересная параллель возникает при сравнении фразы «Узнать бы, — стал бредить Федотов, — / А что у нас в части едят?» с текстом книги Зиганшина: «Часто, поглядывая на часы, мы вслух представляли, что должны делать в это время по распорядку дня наши товарищи там, на Курилах» [1, 32].

Заметим, что Асхат Зиганшин в этом сорокадевятидневном дрейфе был старшим по званию на судне и все командование взял на себя. Об этом вспоминают участники инцидента: «Когда младший сержант стал разделять первый сапог, мы думали, что сразу все начнем есть кожу. Но Зиганшин даже запретил прикасаться к ней. Он сказал: «Я съем ее первый, и если через сутки не заболею, значит, ее можно есть и вам. Вот так» [7]. О том, что Зиганшин был старшим, говорит и сам Высоцкий в своих отступлениях: «Зиганшин — старший, — его употреблять чаще» [3, 11].

По прошествии лет становятся известными и другие, не менее интересные факты. В газете «Комсомольская правда» от 3 апреля 1960 г. читаем:

«Журналист. Покажите мне эту историческую гармошку.

Федотов. К сожалению, мы ее съели.

Журналист. Что-о-о? Как съели?

Федотов. Очень просто. На ней были части из кожи. Мы отодрали их, нарезали на куски и

варили в морской соленой воде. Кожа оказалась бараньей, и мы шутили, что у нас два сорта мяса: первый сорт — кожа от гармошки, второй сорт — кожа от сапог» [7].

Однако в интервью с Зиганшиным (2001 г.) прозвучало следующее: «Откуда все время берется эта гармошка? Не понимаю. Не было никакой гармошки. Сначала съели ремешок от часов — получилось, потом — солдатский ремень. И наконец, сапоги» [15].

В то же время в своей книге «49 дней в океане» Зиганшин пишет: «Кстати сказать, уже в эту похлебку «для навару» был положен кусок солдатского ремня. Его мы съели первым, а потом уже дошла очередь до гармошки и сапог» [1, 31]. Как видно, это еще один вопрос, который пока остается без ответа. Но периодически эта самая гармошка появляется в других произведениях, посвященных «отважной четверке». Например, студенчество, относящееся к советскому андеграунду начала 1960-х гг. («стиляги»), тоже сложило в свое время стихи на мотив известной песни ливерпульской четверки «Rock Around the Clock». В этой песне также фигурировала гармошка:

Дни плывут, плывут недели,
Судно носит по волнам,
Сапоги уж в супе съели
И с гармошкой пополам⁵.

Официальные поэты и композиторы также откликнулись на это происшествие своими произведениями. Например, А. Пахмутова написала «Песню о четырех героях» (Друзья, вы в сердце у нас! / Грохочет прибой, как салют. / И сказки расскажут о вас, / И песни о вас споют!). Газеты того времени в свою очередь были переполнены дежурными стихотворениями, посвященными «четверке отважных» (М. Владимов «Четверо», О. Новицкий «Мужество сердец», Вл. Гнеушев «Сорок девять, наполненных бьющимся ветром...» и многие другие).

Не исключена вероятность того, что в качестве материала для своего иронически-пародийного произведения Высоцкий использовал эти («официальные») стихотворения. При сопоставлении текстов можно найти некоторые аллюзии. Например, «И вал за валом набегал...» у Высоцкого перекликается с «А океан катил за валом вал...» [4] у О. Новицкого. Или «...что, взял океан?» у Высоцкого явно навеяно «Перед кем океан, / Закипев, отступил...» [5] Хасана аль-Баяти (иранский поэт, откликнувшийся на произошедшее в Тихом океане⁶).

При знакомстве с материалами интервью с Зиганшиным (2001 г.) обнаружили некоторые неожиданные дополнения. Выясняется, что во время сорокадевятидневного дрейфа известная

«четверка» была заподозрена в измене родине, в связи с чем, в домах у родителей молодых людей сотрудники соответствующих органов (КГБ) проводили обыски. В газетах же того времени представлены фотографии «счастливых» родителей молодых людей, гордящихся своими детьми. Затем, видя какой резонанс получила эта история во всем мире, советское правительство решило сделать из ребят героев, чтобы совпасть с мнением мировой общественности.

Насколько журналистика того времени была *правдивой*, на наш взгляд, можно судить по следующему фрагменту из материала «Комсомольской правды» от 31 марта 1960 г. В интервью с «героями» можно найти такую фразу: «Конечно!.. Комсомольские билеты у всех при себе. Они были с нами всегда» [6]. В журнале «Огонек» того же года читаем следующее: «Федотов по возвращении на Курильские острова был принят в члены ВЛКСМ; ему вручили комсомольский билет» [8].

Высоцкий в своем стихотворении, откровенно пародирует газетный и журнальный материал, представляет собственное видение произошедшего. С одной стороны, нет сомнений в том, что Зиганшин, Поплавский, Федотов и Крючковский действительно совершили подвиг (хотя этого можно было избежать, если бы у солдат были приемлемые условия для службы и жизни).

С другой же стороны, Высоцкий стремится показать не только ситуацию, но и отношение журналистов и власти к ней. Поэт не идет вслед за официальными авторами, односторонне серьезно воспевавшими подвиг «четверки». Высоцкий уже в самом начале своего творческого пути действует наперекор цензуре, что во многом обуславливает его маргинальное положение. «Сорок девять дней» — первое произведение начинающего поэта, который изначально был честным художником, а не «халтурщиком». Будучи автором непризнанным, Высоцкий был свободным художником, что позволило ему, минуя *официальную* ложь (которой не избежал ни один официальный поэт) оценивать и отражать жизненные ситуации такими, какими они были на самом деле. Художественные образы лишь помогали поэту подчеркнуть суть жизненных реалий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В газете «Известия» от 16 марта 1960 г. читаем: «Поплавский играл на старой гармонике...» (Их рассказ о 49 днях // Известия. — Среда. — 16.03.1960. — № 64 (13300)); в газете «Комсомольская правда» от 20 марта 1960 г. — «Юноши решили варить суп из кожи сапог и гармонии» (Сердцем отважные — с Родиной // Комсомольская правда. — Воскресенье. — 20.03.1960. — № 68 (10700)).

2. Сам А. Зиганшин в своей брошюре «Сорок девять дней» восстанавливает причинно-следственные связи: «Судно, потерявшее ход, как известно, не слушается руля. Стоять у штурвала теперь было бесполезно» (Зиганшин А.Р. 49 дней в океане / А.Р. Зиганшин. — Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1960. — С. 22).

3. («Что же дальше? Что есть? Я подумал о своих башмаках. Я читал о людях, которые поддерживали себя тем, что жевали сапоги, пояса, гетры, сумки и седла, — одним словом, все, что делается из кожи. Кожа — органическое вещество и даже после дубления сохраняет в себе небольшое количество питательных элементов. Поэтому я и подумал о башмаках») (Майн Рид. Квартеронка; Морской волчонок: Романы. — Л.: Лениздат, 1990. — С. 388).

4. Иван Федотов предложил, чтобы тот, кто умрет последним, написал суриком на стене кубрика имена «четверки».

5. Песня соответствовала образу советских «стиляг» 1960-х гг.:

Как на Тихом океане
Тонет баржа с чуваками.
Чуваки не унывают,
Рок на палубе кидают.

Зиганшин-рок, Зиганшин-буги,
Зиганшин — парень из Калуги,
Зиганшин-буги, Зиганшин-рок,
Зиганшин слопал свой сапог.

«Стиляг» вдохновил не только подвиг «четверки» и его освещение в прессе, но и американские фотографии «путешественников», на которых была модная иностранная одежда.

6. Особенно четко эта аллюзия прослеживается на фоне шаржа, где изображен Океан, преклоненный перед четырьмя солдатами (Служим Советскому Союзу! — Комсомольская правда. — Пятница. — 18.03.1960. — № 66 (10698)).

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиганшин А.Р. 49 дней в океане / А.Р. Зиганшин. — Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1960. — 40 с.

2. Высоцкий В.С. Сочинения в двух томах / В.С. Высоцкий (предислов. С. Высоцкого / подгот. текста и коммент. А. Крылова). — Екатеринбург: Изд-во «У-Фактория», 1996. — Т. I. — 544 с.

3. Высоцкий В.С. Собрание в четырех томах / В.С. Высоцкий. — М.: изд-во Время. Т.3, 2008. — 592 с.

4. Мужество сердец // Известия. — Суббота. — 19.03.1960. — № 67 (13303).

5. Слово к четырем // Комсомольская правда. — Среда. — 23.03.1960. — № 70(10702).

6. Бойцы вспоминают минувшие дни... // Комсомольская правда. — Четверг. — 31.03.1960. — № 77(10709).

7. Это ничего, что мы, солдаты, далеко ушли от дома... // Комсомольская правда. – Воскресенье. – 3.04.1960. – № 80(10712).
8. «Огонек». – № 26 июнь 1960 г.
9. Сент-Бев Ш. Литературные портреты, критические очерки / Ш. Сент-Бев. – М. : Изд-во «Худож. лит.», 1970. – 582 с.
10. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М. : Изд-во Сов. энциклопедия, 1986. – 1600 с.
11. Стюфляева М.И. Человек в публицистике (Методы и приемы изображения и исследования) / М.И. Стюфляева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 143 с.
12. Тертычный А.А. Жанры периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов / А.А. Тертычный. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во Аспект Пресс, 2006. – 320 с.
13. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – М. : Изд-во «Наука», 1977. – 574 с.
14. Pfandl H. Textbeziehungen im dichterischen Werk Vladimir Vysockijs / H. Pfandl. – München : Verlag Otto Sagner, 1993. – 453 s.
15. Интервью с А. Зиганшиным, которое провел Дмитрий Соколов-Митрич в Санкт-Петербурге. – (<http://www.buzz-aldrin.livejournal.com/537.html>).

Савчук И.Н.
Воронежский государственный педагогический университет, кафедра истории русской литературы, теории и методики преподавания литературы.
e-mail: iron_butterfly@bk.ru

Savchuk I.N.
Voronezh State Pedagogical University. Post-graduate student.